

шеказачьей Студенческой Станицы, не будет вверде присутствовать там, где присутствуют г.г. Кубанский Атаман г-н Науменко или лица, его непосредственного окружения, заявляем, что если обстановка погребует открытого выступления Станицы против клеветы и оскорблений ее или с целью дальнейшего обмана казачьих масс со стороны упомянутых лиц — Станица всегда сделает все от нее зависящее или в полном составе или через лиц, специально уполномоченных.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно: за писаря Николай Букин.

В Панчево.

В воскресенье, 14-го августа, в тесном кругу казаков в Панчево представитель „ВК“ в Белграде Б. А. Кундрюцков сделал доклад на тему: „Казачество в эмиграции; цели и стремления В. К.“

Казаки пригласили докладчика за неделю раньше и оповестили об этом казаков, сочувствующих ВК. Узнали об этом и противники, которые, во главе с полковником Дьячевским, решили собрание сорвать и не дать говорить и беседовать казакам.

В воскресенье же побывал в Панчево и приехавший из Белграда полковник Соламахин, который со своей стороны, повидимому, воодушевил сторонников Кубанской канцелярии и поэтому все предвещало и „бурю“ и „ветер“, как и назвали себя те два казака, которые вошли на собрание с полковником Дьячевским. Одного из них фамилия Гордиенко (правая рука Дьячевского), фамилия второго присутствующим была неизвестна, но он, назвавшись „бурей“, вполне может такому названию соответствовать всем своим грозным видом и... усами.

Противники долго не решались войти на собрание. Полк. Дьячевский выглядывал из дверей, перегнувшись вперед, всматриваясь в лица присутствующих казаков, потом переступил порог и обратился в требовательной форме к организатору этого доклада Михаилу Ивановичу Махно:

— Как вы смели собирать казаков без моего ведома?... Вы не казак...

— Нет, я казак, — отвечает Махно, — и пригласил казаков побеседовать и послушать докладчика...

— Вы не смели этого делать, я — атаман хутора. (Между прочим, казаки утверждают, что они его не выбрали и что он стал атаманом потому, что, уезжая из Панчева, есаул В. Д. Булатный просто передал ему все дела).

— Г. полковник, — обращается к нему другой казак, — мы ведь давно просили вас нас собрать...

— Для чего нам собираться?... — удивляется полковник... Да мы и собирались, только в другой обстановке...

Что мы будем разговаривать! Наша задача — сорвать собрание. У вас есть разрешение от полиции?... Предупреждаю всех собравшихся, что за окном стоят агенты...

Махно: Нам разрешила полиция!...

Дьячевский: Покажите письменное разрешение...

Махно: Оно у полицейского чиновника, который сейчас придет...

Дьячевский: Посмотрим... Подождем... Садитесь, господа... Когда же он придет? Нам некогда ждать. Уже четверть десятого...

В это время входит полицейский чиновник, корректный и вежливый господин в штатском платье.

Дьячевский: Вы полицейский чиновник?

Чиновник: Да.

Дьячевский: Почему вы не в форме, а в штатском?

Чиновник: Есть полиция и в штатском. Вы кажется много выпили... соды.

(Перед докладчиком сифон соды).

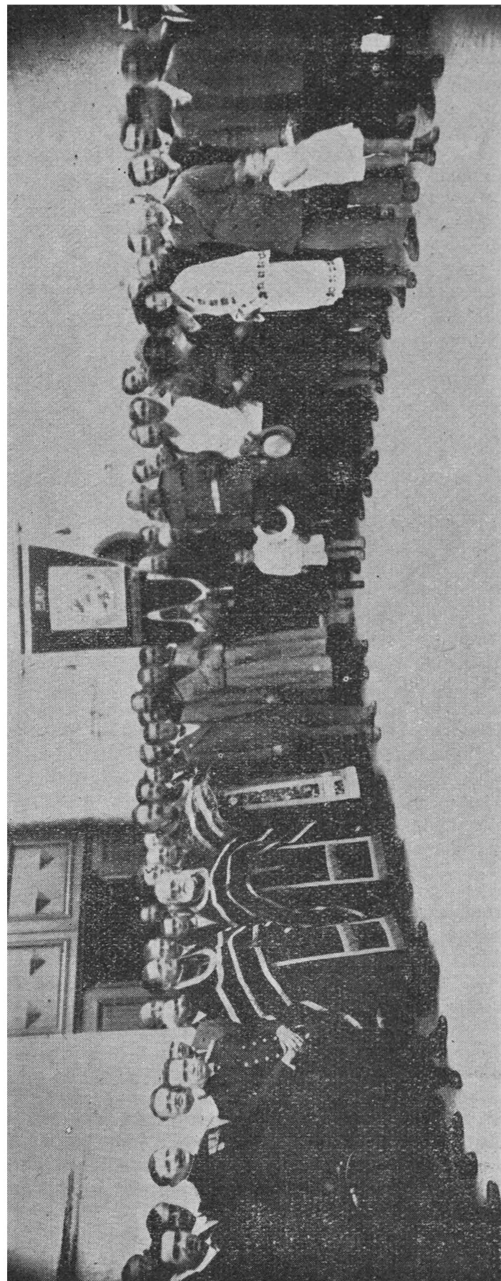
Дьячевский: Разрешено ли это собрание?

Чиновник: Да... Поэтому я здесь...

Дьячевский: Покажите вашу легитимацию...

Чиновник: Как, вы хотите проверять мои документы?... А впрочем извольте...

А вот разрешение на собрание...

Вольноказачья Смедеровская станица подносит хоругвь Сербской церкви. Рядом со священником, около казака, держащего хоругвь, стоит атаман станицы Гнилозуб. Снимок с торжества, описанного в № 108—109 „В. К.“

Дьячевский: А где марки гербовые в двадцать пять динар?

Чиновник: Вот марки... Считаю этот неуместный разговор оконченным. Прошу открыть собрание, уже поздно. Не затягивайте.

Дьячевский и его сторонники сконфужены. „Номер“ или „совет опытных людей“ пропал даром. Все оказалось законным и только своей дерзостью они нанесли оскорбление органу власти.

Когда улеглись страсти, мирно сели „ветер“ и „буря“ и „грозный полковник“, (говорят, что „сам“ Соламахин сидел где то по соседству).

Приехавший приступил к своему докладу. Доклад, осветив положение Казачества, коснулся освобождения славян и докладчик указал, что сербов, чехов и др. спасла та же национальная идея, которую сейчас отстаивают и природные казаки за рубежом.

— Мы должны отбросить всякие партийные расхождения, говорил докладчик, уйти из чужих лагерей и только стремление на борьбу с большевиками, стрем-

ление к национальной казачьей свободе должны стать „верую“ каждого казака. В этом одном наше спасение.

Г. Дьячевский пытался несколько раз перебивать докладчика, но на его выпады внимания не обращалось и только один раз ему было указано, что по принятому порядку сперва выслушивают доклад, а потом задают вопросы и что лучше вести в таких случаях запись.

Дьячевский стал записывать, потом поднялся и, нервничая, покинул собрание. Несмотря на то, что, уходя, он пригласил:

— Пойдемте со мной, господа...

Ушли лишь те, кто с ним пришел. Доклад продолжался и был в 11 часов закончен. Полицейский чиновник записал все, что говорилось, понимая по русски, составил таким образом реферат для полиции, спросил имя и фамилию докладчика, а также фамилию и адрес „грозного полковника“.

— Видите, г. чиновник какими хозяевами они себя считают у вас, в Югославии... сказал Б. А. Кундрюцков.

— Они обманываются на этот счет, — улыбаясь, сказал чиновник.

После доклада казаки угощали приехавшего и только в 1 час ночи добрался он до отведенной ему комнаты и мог отдохнуть после того сражения, которое пришлось выдержать.

Казаки приветствовали вольно-казачье движение, увидели, что оно стоит за правду и надо надеяться, что в недалеком будущем ряды ВК еще пополнятся.

Особенно приятно было видеть, как в труднейшей обстановке дает ростки наша национальная идея. А сколько казаков еще о ней и не слышало!...

К нам, родные, в наши ряды:

Наш девиз — казачья воля, Казакия наша цель.

(Соб. кор.)

В Варшаве.

В редакцию журнала „В. К.“

Чтобы осветить настоящее положение вещей в деле организации так наз. „Центр. Казачьего Комитета в Польше“ и о деятельности председателя комитета г. Аксенова, считаю долгом сообщить, что мне удалось узнать непосредственно в Варшаве, в виду чего прошу не отказать в любезности поместить на страницах уважаемого журнала нижеследующее:

По прибытии в Варшаву пришлось познакомиться с большим недовольством казаков по поводу бессовестной деятельности г. Аксенова, как председателя „Ц. К. К.“ в Варшаве, а в последнее время возмущение возросло, благодаря поступкам последнего, который выдал казака Манякина в руки полиции за то, что Манякин просил свои же заработанные деньги на должности сторожа у Аксенова, а не был нигде зарегистрирован, хотя обязанность регистрации и вписания своего служащего в кассу больных падает на г. Аксенова.

В чем же дело и что это за человек г. Аксенов? Познакомившись ближе с его деятельностью, я убедился, что это прежде всего большой враг в. казачества. Его общественная работа сводилась исключительно к высасыванию казачьих денег в свою собственную пользу. При заложении комитета удалось достать на имя казачьей артели 51000 злотых от Международного Присутствия в Варшаве, но к сожалению деньги не пошли на пользу получающих. Часть, разочаровавшись в Аксенове казаков пошла блуждать по разным комитетам, в результате чего 24.000 злотых перелилось в кассу Русского Комитета. Казначей Комитета не видел денег получаемых, а ревизионная комиссия бессильна что либо сделать. „Всесильный“ Аксенов принимал покорных, отправлял строптивых; если добровольно не уходили, доносил полиции; открывал на свою руку предпрятия; словом, разошлась широкая душа без удержу. Приехавший в Варшаву ст. Александров оказался г. Аксенову „невыгодным“, ибо был вольным казаком. Начал Аксенов придумывать, как бы избавиться от такого „неблагонадежного“ и придумал. По секрету сообщил какому-то казаку, чтобы они не имели — не дай Бог! —

дела с Александровым, потому что он не казак, а иногородний. Пошла полная неразбериха. Между тем, ст. Александров успел завоевать симпатии всех казаков и незаметно стал для них нужным человеком. От Аксенова (противника ВК) откачнулись и тогда пошла настоящая работа вольных казаков. Растерянные и измученные душевно казаки шли по зову ст. Александрова и 14-го августа устроено, при моем содействии, и атамана Августовской станицы ст. Кирьянова — собрание, на котором все единогласно высказались за вольноказачье движение, как единственный путь спасения. Общим постановлением организован в вольноказачья станица, избран атаманом станицы ст. Александров.

Враги, которым вольно-казачье движение слишком портило настроение, не спали и делали свое. По каким то непонятным причинам предложено ст. Александрову, как инициатору, помещение г-м Е. в одном редакционном доме, но в момент собрания оказалось, что в этом доме ничего не знают о собрании. Казаки, собравшись толпой на улице, не хотели однако расходиться пошли в „Ц. Казачий Комитет“ к г. Аксенову, чтобы последний дал ключи от помещения Комитета для собрания, но тот категорически отказал, называя собрание „самочинным“, а инициаторов чуть ли не изменниками казачьему делу. Положение было безвыходное. Ст. Александров принужден вторично идти в комиссариат города, чтобы позволили ему устроить собрание у какого либо казака на частной квартире, на что получил разрешение. По 5 часовом ожидании, казаки собрались на чердаке у какого то полака в старом разбитом доме. Собрание, несмотря на препятствия, состоялось.

Сколько же было прочувствованных слов высказано! Это был общий идейный порыв, какого давно не видала казачья колония в Варшаве. Тут и восторжествовала вольноказачья мысль. Госп. Аксенов, после острых слов, высказанных ему казаками, постыдно ушел еще до собрания.

Так после долгих шатаний образовалась вольноказачья станица в Варшаве в чрезвычайно трудных условиях, но выходя из собрания, все легко вздохнули. Каждый унес с собой глубокое моральное удовлетворение.

Теперь ведется подготовительная работа к ликвидации несчастного „Центр. Комитета в Польше“ и привлечении к судебной ответственности Аксенова за злоупотребления.

Бдите, казаки, враг не спит и в минуту вашего малодушия воспользуется вашим хорошим именем, что-бы потом утопить вас в грязи...

Варшава. 15-VIII-32.

Вл. Еремеев.

Загадочное убийство в Софии.

В ночь с 6-го на 7-е августа с. г., в квартале Хаджи Димитр ул. Филип Тотю № 77, 18 летняя девушка болгарка Милка Тодорова Волкова, в своей квартире из револьвера тремя пулями убила казака Григория Ивановича Никонова.

Покойный родился в ст. Кепинской Усть Медв. окр. В. В. Д. в 1891 г. Действит. службу провел в 3 Д. каз. полку, с которым и участвовал в Великой войне. За боевые заслуги был награжден несколькими Георг. крестами. В войну с большевиками за отличие был произведен в сотники.

Преждевременная трагическая смерть его произошла на казаков, живущих в Софии, очень тяжелое впечатление.

Покойного, с которым я почти два года прожил по соседству, знаю, что он был трезвый, работящий и трудолюбивый человек. Имел раньше свою колбасную а последнее время работал в магазине готов. платья у К. П. Крейтора. Был женат на болгарке, с которой, прожив три года, развелся. Знакомства предпочитал вести с болгарками, но много имел друзей и среди русских.

Что послужило поводом к лишению его жизни в злополучную ночь, покажет судебное следствие, рас-